

имущество, и, наконецъ, взяли у митрополита изъ кельи одного подьяческаго сына и предъ соборною церковью закололи копьями. Въ ту-же ночь убиты были солдатами: нелюбимый полковникъ Девицъ и капитанъ Мееръ— вмѣстѣ съ женою. На другой день, отыскали и Ржевскаго въ курятникѣ— за поварнею на воеводекомъ дворѣ и привели въ кругъ, гдѣ одинъ стрѣлецъ коннаго полка Уткинъ скололъ его копьемъ. Убито было много и другихъ людей, которые показались бунтовщикамъ подозрительными.

Покончивши съ царскимъ воеводою, бунтовщики выбрали своихъ начальныхъ людей— отъявленныхъ раскольниковъ— упомянутого Носова и Астраханца Гаврилу Ганчикова, и стали подстрекать къ мятежу окрестныхъ казаковъ.

Гдѣ-же былъ въ это время и что дѣлалъ митрополитъ Сампсонъ?

(Окончаніе будетъ).

ВЪ МІРѢ РАСКОЛА.

Въ быту раскольниковъ, приѣмлющихъ австрійскую іерархію, какъ извѣстно, власть архіерейская совершенно игнорируется купцами, а въ особенности ихъ дражайшими половинами, считающими себя охранителями древле-благочестивой вѣры и самаго духовенства своего, а слѣдовательно и подчиненными архіерсею лицами— священниками, діаконами и т. д.. Говоря это, мы хотимъ на этотъ разъ сказать нѣсколько словъ о лже-епископѣ Паисіѣ, Саратовскомъ и Астраханскомъ. Осенью прошедшаго 1885 г. Паисій, какъ извѣстно, избранъ и рукоположенъ въ Москвѣ на мѣсто престарѣлаго лже-епископа Амвросія Саратовскаго и Астраханскаго. При выѣздѣ изъ Москвы онъ взялъ съ собою одного іеродіакона Иларія, который у него исполняетъ должность секретаря, протодіакона и совѣтника. Паисію, какъ бывшему въ Москвѣ членомъ духовнаго совѣта, надоѣло быть подъ опекою купцовъ— Солдатенкова, Шибаева и др.. Вдучи въ Саратовъ, онъ предполагалъ устроить новые порядки среди новой своей паствы: „я, говорилъ Паисій своему секретарю, заведу на первыхъ же порахъ свои порядки, а то, моль, отло-

жишь въ дальній ящикъ, тогда пропало все дѣло, и здѣсь будутъ распоряжаться наши бабы, какъ и въ Москвѣ," такъ разсуждалъ Паисій. Но такое разсужденіе раскольническаго владыки было преждевременно: онъ разсуждалъ незная положенія дѣла, а посему все его разсужденія остались только у него въ головѣ, какъ это читатель увидитъ изъ нижеописаннаго. Изъ Тамбова Паисій далъ телеграмму на имя Саратовскаго купца Евѣимія Яковлевича Горина, увѣдомляя его о своемъ пріѣздѣ. Этимъ Паисій хотѣлъ дать знать Горину, чтобы Горинъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ на станцію желѣзной дороги для встрѣчи его преосвященства, но жестоко ошибся! Горинъ оказался вовсе не такимъ, какъ ожидалъ Паисій. Поѣздъ прибылъ на станцію въ 12 часовъ ночи, но на станціи не только что Горина съ своимъ экипажемъ, но и служащаго его высокостепенства, чтобы показать квартиру для владыки Паисія, не оказалось. Что дѣлать? Куда дѣваться? Ѣхать въ гостинницу—неудобно для Паисія, потому что тамъ спросятъ паспортъ, а онъ у него былъ не на имя владыки Паисія, а на имя Прокопія Лапшина, крестьянина Бронницкаго уѣзда, Московской губ. Только при воспоминаніи о паспортѣ Паисій вспоминалъ, что онъ предъ судомъ церкви Христовой и правительства дѣйствительно простой мужикъ, а не епископъ. Конечно во время ѣзды отъ Москвы до Саратова никто не спрашивалъ у него паспорта и Паисій совершенно почти забылъ о настоящемъ своемъ званіи,—но тутъ въ Саратовѣ, когда пришлось ему невольно вспомнить о настоящемъ своемъ званіи, отбросивъ въ сторону раскольническую, кукольную, комедію т. е. игру въ архіереи, Паисія подернула дрожь, онъ крикнулъ и пробормоталъ со злости: „охъ эти проклятыя никоніане, не дають намъ архіерейскихъ правъ!“ Но разсуждать много было некогда, нужно было позаботиться о квартирѣ. Сопровождавшій его іеродіаконъ Иларій предложилъ ему ѣхать прямо къ Горину, но Паисій не соглашался беспокоить его высокостепенство. Наконецъ рѣшено было ѣхать въ богадѣльню г.-на Горина, гдѣ и ночевали въ помѣщеніи одного уставщика. На другой день Паисій отправился къ купцу Уварову въ домъ, гдѣ, просидѣвъ цѣлый часъ въ прихожей, до-

жидался, когда можетъ принять его высокостепенство. Наконецъ его пригласили въ кабинетъ Данила Яковлевича Уварова, гдѣ сей послѣдній сталъ жаловаться на купца Горина, выстроившаго новую молельню для богадѣльни и добивавшагося уничтожить молельню у него—Уварова. Въ заключеніе всего Уваровъ просилъ своего владыку запретить всѣмъ старообрядцамъ города Саратова ходить въ молельню Горина, такъ какъ она построена для богадѣльни. Паисій обѣщался рассмотреть это дѣло и тогда сдѣлать распоряженіе, но супруга Уварова Александра Петровна возразила Паисію: „что тутъ смотрѣть! Напшите вотъ поскорѣй этому Еввѣиммѣ, чтобы онъ никого не смѣлъ пускать въ свою молельню“. Но Паисій на это не согласился и вмѣстѣ съ Уваровымъ отправились осматривать молельню. Молельня Уварова оказалась старою, похожею скорѣй на подваль, видъ ея произвелъ на Паисія неблагопріятное впечатлѣніе. Изъ Уваровской молельни онъ отправился въ Горинскую молельню и здѣсь Паисій увидѣлъ совсѣмъ противоположное: глазамъ его представилось огромное каменное зданіе, а внутри богатый, покрытый сплошною массою золота, иконостасъ. Онъ долго любовался роскошнымъ зданіемъ и обстановкою; въ свою очередь Горинъ справедливо жаловался на Уварова за то, что онъ по своей гордости разсерживаетъ общество старообрядцевъ, поддерживая на чужой счетъ старую молельню. Для устранинія подобнаго зла Горинъ просилъ своего владыку Паисія закрыть Уваровскую молельню. Паисій, хотя и недоволенъ былъ Горинымъ за невнимательность къ его особѣ, но высказалъ полную готовность закрыть старую молельню, только просилъ Горина подождать болѣе удобнаго случая. О невнимательности же Саратовскихъ купцовъ лже-священникъ Тумаковъ высказалъ слѣдующее: „Эхъ владыко! будемъ говорить, куда намъ равняться съ купцами!“ (*Фраза „будемъ говорить“—поговорка Тумакова.*) Это еще милость, что Яфимъ Яковлевичъ пригласилъ тебя къ себѣ пообѣдать-то, а вотъ, „будемъ говорить“, къ намъ на первый разъ прѣзжалъ владыка Амвросій, отслужилъ обѣдно-то, утомился сердечный старичекъ, видъ чужь ноги таскаетъ, а его никто не пригласилъ чайку наниться, онъ отдохнулъ бѣдный немного, пошелъ на

базаръ, купилъ калачъ да пару арбузовъ, сѣлъ на лавочку возлѣ молебни, поѣлъ немного, да и тутъ-же и легъ отдохнуть“. Паисій, выслушавъ такой лестный для себя разсказъ; косо посмотрѣлъ на Тумакова и ничего не сказалъ. Отправляясь въ Хвалыньскъ на мѣсто своей резиденціи, Паисій обѣщался скоро быть въ Саратовѣ. По отъѣздѣ Паисія изъ Саратова купецъ Даніилъ Уваровъ вскорѣ обанкротился на 450000 руб. Кредиторы, зная мошенническую продѣлку Уварова, просили окружной судъ признать его злостнымъ банкротомъ и посадить въ тюрьму. Окружной судъ такъ и поступилъ. Узнавъ объ этомъ, Паисій послѣдовалъ въ Саратовъ, полагая, что ему теперь придется безъ затрудненія закрыть молебню Уварова и тѣмъ зарекомендовать себя предъ купцомъ Горинымъ, но и на этотъ разъ Паисій жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ. Уваровъ, хотя и сидѣлъ подъ арестомъ, все-таки онъ былъ не бѣдень, поэтому не потерялъ присутствія духа предъ распоряженіемъ своего владыки Паисія. Когда объявили Уварову, что владыка Паисій распорядился закрыть его молебню, то онъ вскрикнулъ: „вретъ онъ!“ При этомъ отпустилъ на счетъ Паисія красненькое нешечатное словечко, до которыхъ Уваровъ большой охотникъ. Не имѣя возможности лично видѣться съ Паисіемъ, онъ попросилъ бумаги и написалъ своему архипастырю письмо слѣдующаго содержанія: „владыка Паисій! Какъ ты осмѣлился сдѣлать такое глупое распоряженіе о закрытіи моей молебни? По полученіи моего письма, отмѣни свое распоряженіе, а иначе я не буду признавать тебя за епископа“. Такое своеправіе его высокостепенства повергло Паисія въ смущеніе; онъ поступилъ опромѣтчиво, не зная съ кѣмъ имѣеть дѣло и предполагал, что Уваровъ разорился, по этому сдѣлался несостоятельнымъ. Онъ не зналъ, что Уваровъ обанкротился только лишь официально, а на дѣлѣ онъ былъ тою же силою среди раскола, какъ былъ и прежде, а благовѣрная Даніила Яковлевича Александра Петровна завербовала первымъ долгомъ всѣхъ своихъ старухъ часовеннаго двора, раздавъ имъ порядочную милостыню и кромѣ того обѣщаніе надѣлать. Сотни старухъ въ одинъ голосъ возопили: „наше гнѣздышко хотятъ разорять! въ еретики должно быть передать!“ А вѣрный бар-

бось Александры Петровны, старая дѣва Дарія, всёмъ трактовала, что Горинская молеельня единовѣрческая. Подняли шумъ и всевозможные толки, — кто за Уварова, кто за Горина, а самъ Уваровъ стоялъ на своемъ, чтобы владыка Паисій взялъ назадъ свое распоряженіе, а иначе не только что онъ не будетъ признавать его за владыку, но выберетъ на мѣсто его — Паисія — другаго архіерея, на каковую должность у него уже есть и кандидатъ. „Мнѣ, продолжалъ Уваровъ, ничего не стоитъ, если потерю тысячу или двѣ, чтобы прогнать этого негодяя Паисія, осмѣливагося идти противъ меня“. Послѣ всего этого Паисій вынужденъ былъ измѣнить такое свое распоряженіе и къ униженію его Уваровъ заставилъ его сказать публично проповѣдь о томъ, что молеельня Уварова будетъ существовать и на будущее время. Паисію, хотя и не нравилось это, но дѣлать было нечего, отслужилъ литургію въ молеельнѣ Уварова соборне съ двумя лже-іереями и діакономъ, по окончаніи которой вышелъ на амвонъ и сказалъ приблизительно такого содержанія рѣчь, — что пасомыя его ходили бы въ молеельни одинаково, какъ въ Горинскую, такъ и въ Уварову, ибо онъ — Паисій одинаково архіерей, какъ въ Уваровской, такъ и въ Горинской. Проповѣдь Паисія произвела на слушателей различное впечатлѣніе: безтолковыя старухи, задобренныя богатой христіяницею Александрой Петровной, вздыхая, восхваляли Паисія: „о Господи! Какой у насъ владыко то умница! Какія онъ сладкія рѣчи то говорить!“ А адъютантъ Александры Петровны старая дѣва Дарія говорила: „разъ, молъ, Данилыто Яковличъ выберетъ плохова алхирея“. Сама же благовѣрная Уварова, слушая своего владыку, приговаривала: „давно бы такъ говорилъ, а то вздумалъ тамъ чепуху какую то! Охъ, Данилушка то у меня какой умница! Какъ онъ хорошо заставилъ говорить нашего владыку!“ Болѣе же благоразумные старообрядцы только смѣялись надъ Паисіемъ и его проповѣдію. Неловкость своего положенія сознавалъ и самъ Паисій, потому счелъ нужнымъ отправиться въ богоспасаемый свой Хвалынецъ, и здѣсь онъ засталъ присланное ему прошеніе отъ Астраханскихъ раскольниковъ, въ которомъ они просили своего лже-владыку пожаловать къ нимъ для освященія

новаго иконостаса. Паисій принялъ такое приглашеніе съ радостію и поспѣшилъ уѣхать куда нибудь, гдѣ бы его приняли, какъ архіерея и тѣмъ бы утѣшили его отъ нанесенныхъ ему оскорбленій—въ Саратовѣ. Взявъ съ собою Казанскаго діакона Богашенкова и своего домашняго діакона Иларія, онъ отправился съ ними въ Астрахань. По дорогѣ заѣхали въ Царицынъ мирить раскольническихъ коноводовъ, ведущихъ междуусобную борьбу. Вотъ уже 5 лѣтъ раскольники Царицынскіе раздѣлились на два враждебные лагеря изъ-за молитвенныхъ домовъ, о чемъ было подробно описано въ 14 № „Астрах. Еп. Вѣдомостей“. Паисію, во что бы то нистало и гдѣ бы то нибыло, хотѣлось показать свою власть. Въ Саратовѣ это ему не удалось и пришло на мысль показать свое могущество въ уѣздномъ городѣ: „здѣсь, думалъ онъ, купцы болѣе соблюдаютъ благочестіе, по этому власть архіерейская должна имѣть болѣе значенія, чемъ въ губернекомъ городѣ“. Поэтому, когда Паисій пріѣхалъ въ Царицынъ, то хотѣлъ было рѣшить дѣло съ одного почерка. Осмотрѣвъ обѣ молебни, онъ нашелъ, что Смирнова молебня удобнѣе, сію же минуту написалъ строгое предписаніе о закрытіи Вѣховой молебни, но увы! Какъ скоро Паисій написалъ свое распоряженіе, еще скорѣй пришлось ему разочароваться въ исполненіи своего повелѣнія. Сторонники Вѣхова не замедлили явиться къ Паисію въ квартиру и наговорили ему такихъ колкостей, какихъ онъ еще никогда не слышалъ. Въ заключеніе всего депутація выразилась такъ: „ты, владыко, съ такимъ твоимъ распоряженіемъ убирайся отъ насъ поскорѣй, мы болѣе тебя не признаемъ за своего епископа!“ Паисій, огорченный провинціальными купцами, въ которыхъ онъ предъ тѣмъ только видѣлъ людей уважающихъ архіерейскую власть, убѣдился вполнѣ, что раскольническіе купцы, какъ московскіе, такъ и другихъ городовъ одного покроя, почитаютъ они архіерея только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ повиновеніи ихъ высокостепенствъ, а какъ только мнимо-благочестивый владыко захочетъ дѣйствовать самостоятельно, то ему сію же минуту объявятъ, что онъ болѣе не признается за владыку. Выходки царицынскихъ раскольническихъ купцовъ краснорѣчиво засвидѣтельство-

вала, что раскольническими купцами распоряжаться архіереямъ нѣтъ ни какой возможности. Такимъ образомъ замыселъ Паисія объ устройствѣ его новой паствы, разстроенной Амвросіемъ, разлетѣлся какъ дымъ въ воздухъ. Посмотримъ, на сколько удачны были распоряженія Паисія относительно подчиненныхъ ему лже-поповъ и діаконовъ, среди которыхъ замыслилъ онъ устроить новыя реформы и болѣе трудящихся отличать наградами. Паисій предполагалъ по городамъ поставить протоіереевъ, нѣкоторыхъ священниковъ наградить набедренниками и скуфьями, а большинство изъ нихъ подвергнуть наказанію за нехорошее поведеніе, ибо среди раскольническаго духовенства оказалось большинство пьяницъ и вообще ведущихъ неблагопристойную жизнь. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Паисій началъ было подвергать запрещенію, но что же оказалось? Запрещаемые Паисіемъ лже-попы одни совершенно не обращали никакого вниманія на запрещеніе своего архинастыря, а другіе обращались тутъ-же къ другому лже-епископу Пафнутію Казанскому, который вопреки церковныхъ каноновъ разрѣшалъ ихъ. Что оставалось дѣлать Паисію? Смотрѣть и молчать, какъ хозяйничаютъ въ его епархіи. При этомъ считаю нужнымъ объяснить читателямъ, что лже-епископъ Пафнуцій считается между раскольниками за перваго знатока церковныхъ правилъ, и при всемъ этомъ не обращаетъ никакого вниманія на замѣчаніе его собрата лже-епископа Паисія, что онъ распоряжаться въ чужой епархіи не имѣетъ никакого права. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Пафнуцій Казанскій велъ постоянную борьбу съ лже-архіепископомъ Антоніемъ изъ-за того, что Антоній вторгается въ дѣла Казанской епархіи, принадлежащей Пафнутію, и когда Антоній не обращалъ никакого вниманія на протестъ Пафнутія, то сей послѣдній отказался отъ управленія своей Казанской епархіей и переѣхалъ въ г. Хвалынскъ. Теперь самъ Пафнуцій сталъ на точку Антонія, да и во всякомъ дѣлѣ Пафнуцій на старости лѣтъ положительно начинаетъ чуждѣть. Прежде онъ былъ самый горячій поборникъ „окружнаго посланія“ и выражался такъ: „если уничтожить „окружное посланіе“, какъ это настаивалъ лже-митрополитъ Кириллъ, то нужно уничтожить и Евангеліе.“—Такъ ратовалъ за „окружное

посланіе“ Пафнугій! Но въ прошедшемъ году этотъ же самый Пафнугій рѣшился предать уничтоженію это же самое „окружное посланіе“, какъ приносящее вредъ всѣмъ древле-спасаемымъ христіанамъ. Многие изъ почитателей „окружнаго посланія“ называютъ своего владыку Пафнугія за уничтоженіе его сумашедшимъ, да иначе и понять нельзя дѣйствія Пафнугія, который столько лѣтъ боролся изъ-за окружнаго посланія, столько написалъ писемъ обличительныхъ на Антонія по поводу уничтоженія симъ послѣднимъ „окружнаго посланія“. Несмотря на защиту Антонія Московскими купцами, Пафнугій шель твердою дорогою и стоялъ за посланіе вмѣстѣ съ авторомъ его Иларіономъ Георгіевичемъ. Много перенесъ Пафнугій непріятностей отъ происковъ своего врага Антонія,—врага въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣсколько разъ мнимо-древле-благочестивые купцы съѣзжались въ Москву мирить своихъ владыкъ, но ничего не успѣвали; Антоній съ тѣмъ и умеръ. Чтоже послѣ Антонія?—На его мѣсто вступилъ лже-епископъ Савватій, хотя нѣкоторые и желали, чтобы на раскольническій Московскій престолъ былъ возведенъ Пафнугій. Достигнуть этого не удалось:—партія Пафнугія оказалась слабою и вотъ послѣ всего этого Пафнугій вдругъ мѣняетъ свое убѣжденіе относительно „окружнаго посланія“, беретъ добровольно перо и уничтожаетъ „окружное посланіе“. Ему говорятъ: что же владыка Пафнугій! Согласно прежняго твоего убѣжденія, теперь остается тебѣ только подписать уничтоженіе Евангелію!“ Но Пафнугій молчитъ. Если бы живъ былъ Иларіонъ, то съ какимъ бы обличительнымъ словомъ возсталъ онъ противъ Пафнугія, покрывшаго свои сѣдины такимъ позоромъ, и интересно бы слышать чѣмъ бы Пафнугій сталъ оправдываться. Впрочемъ мы на этотъ разъ оставимъ Пафнугія и возвратимся опять къ Паисію.—Паисій, послѣ нанесеннаго ему оскорбленія въ Царицынѣ, поспѣшилъ отправиться въ Астрахань. О прибытіи его въ Астрахань и о служеніи его въ Шульгиновской часовнѣ было своевременно сообщено въ 14 № „Астр. Епарх. Вѣдомостей. 14 сентября, въ день Воздвиженія честнаго Креста, Паисій былъ въ Вольскѣ и служилъ соборнѣ всенощное бдѣніе съ двумя лже-іереями: Григоріемъ Поповымъ и Александромъ и съ двумя діаконами—Петромъ Кон-

стантиновымъ и своимъ протодіакономъ Иларіемъ. Паисій вздумалъ отслужить болѣе торжественно: съ этою пѣлью онъ назначилъ служеніе въ день Воздвиженія, приказалъ устроить наскоро амвонъ, на который взошелъ, имѣя на головѣ крестъ съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ; вокругъ Паисія стояли два жеіерея и два діакона. Паисій только было началъ опускать и поднимать крестъ, какъ наскоро устроенный амвонъ развалился и Паисій провалился въ отверстіе между досками. Крестъ вырвался у него изъ рукъ, а вѣнокъ, будучи прикрѣпленъ къ картону и прорвавшійся, сползъ съ головы на шею и Паисій стоялъ съ вѣнкомъ на шеѣ точно въ шарфѣ. Стоявшіе по бокамъ жеіереи полетѣли въ разныя стороны, а діаконъ кинулся спасать своего владыку, сталъ на конецъ доски, которую перетянулъ собою и полетѣлъ черезъ владыку прямо къ престолу, гдѣ и растянулся пластомъ. У злополучнаго діакона было кадило, наполненное раскаленными углями, которые также полетѣли въ разныя стороны,—часть разсыпалась по ковру, а нѣкоторые попали на руки діакону. Оторопѣвшій діаконъ вскочилъ на ноги, ему было очень больно отъ ушиба и горячихъ углей, замѣтался нашъ діаконъ совсѣмъ,—махалъ руками и вѣроятно забывшись, что онъ въ часовнѣ, произнесъ: „ахъ чер... тебя возми“! Рядомъ стоявшій здоровенный мущина слегка толкнулъ діакона, да такъ, что тотъ ударился лбомъ въ стѣну, а мущина ему: „что ты лѣпшій, аль въ клѣтѣ зашелъ“? Сцена была комичная. Старообрядцы, по своему собственному имѣ фарисейскому лицемѣрью, старались было все это происшествіе скрыть, но какъ говорится: „шило въ мѣшкѣ не утаишь“! На другой же день православные, встрѣчая раскольниковъ, поздравляли ихъ только не съ Воздвиженіемъ, а съ раздвиженіемъ амвона, а нѣкоторые изъ бѣглопоповцевъ, постоянно радующіеся всякой неудачѣ австрійцевъ, на этотъ разъ нарочно встрѣчали и останавливали ихъ словами: „а ну ка, братъ, расскажи, какъ это у васъ вездѣ,—нѣтъ раздвиженія то“? „Богъ васъ наказываетъ, говорили бѣглопоповцы австрійцамъ, за то, что вы восхитили недарованное вамъ—и это раздражаетъ Бога по 2 правилу св. Апостоль. Игра ваша въ іерархическія степени не то, что въ куклы, а вы дары св. Духа обратили въ комедію;

вотъ персть Божій ясно вамъ и показываетъ, чтобы вы образумились“. Но австрійцы, затыкая уши, бѣгутъ отъ бывшихъ своихъ собратьевъ, а посему вполне приложимы могутъ къ нимъ быть слова пророка Исаи: „Одѣбелъ сердце людей сихъ и ушима своимиа тяжко слышаша и очи свои смѣжиша“.

Говоря о лже-епископѣ Паисіѣ и объ астраханской часовнѣ съ ея лже-попами, мы нисколько не коснулись причетниковъ при астраханской часовнѣ, а между тѣмъ между ними произошло много новыхъ разнообразныхъ событий. — Послѣ отъѣзда изъ Астрахани лже-епископа Паисія, рекомендованный имъ уставщикъ Сергій Ивановъ Шевелевъ остался при Шульгинской часовнѣ уставщикомъ, по ему почему-то въ Астрахани не повезло, — потому ли, что въ Астрахани не нашлось такой благочестивой купчихи, къ которой можно бы было ходить читать полунощницу, какъ это онъ ходилъ въ Саратовѣ къ Уваровой, или по другимъ соображеніямъ, только Сергій Ивановичъ вскорѣ былъ уволенъ отъ службы уставщика. Покипятился Шевелевъ, поругался на Вѣхова, уволившаго его, пытался было пригрозить Паисіемъ, но ничто не помогло, — и Сергій Ивановичъ отправился изъ Астрахани въ Саратовъ. Послѣ него на сцену выплылъ раскольническій лжедіаконъ Григорій Григоріевъ Журавлевъ; сему послѣднему попала въ голову такая блажь, — онъ почему-то возмнилъ о себѣ, что онъ самый гениальный человѣкъ во всемъ старообрядческомъ мірѣ. Согласно 4 пункта правилъ Вѣхова, онъ принялся унимать мальчиковъ: купилъ себѣ длинную, ременную лѣстовку и, обративъ ее въ кнутъ палача, хлесталъ мальчиковъ, какъ попало, по лицу и головѣ, а въ концѣ концовъ дошло до того, что 6 августа, во время служенія имъ литургіи, Журавлевъ схватилъ одного мальчика за волосы, таскалъ — таскалъ, да какъ швырнетъ его, тотъ и вылетѣлъ въ царскія двери вонъ изъ алтаря. Никто на такое беззаконіе дѣйствіемъ не обратилъ вниманія, а Журавлевъ почувствовалъ себя еще сильнѣе и отъ мальчиковъ перешелъ къ взрослымъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Астрахань пріѣзжалъ изъ города Николаевска, Самарской губ., уставщикъ Діонисій Огурцевъ для поступленія на службу при Шульгинов-

ской часовнѣ, но почему то поступить ему не удалось и Огурцевъ отправился обратно въ Николаевскъ. На прощаніи онъ просилъ уставщиковъ: Кипріана Ларина, Ивана Акимова, Терентія Киселева и діакона Григорія Журавлева на пароходъ; всѣ они первымъ долгомъ зашли поконтролировать буфетъ, заложили порядочно и, распростившись съ Огурцевымъ, отправились на часовенный дворъ. Дорогою Журавлевъ начинаетъ хвалиться, что онъ на часовенномъ дворѣ большое звено и кто бы покусился равняться съ нимъ, то горе тому будетъ. Такія похвалы не понравились Киселеву, онъ перебилъ діакона, сказавъ ему, что напрасно онъ хвалится:—„значеніе твое такое, какъ и всѣхъ; захочетъ Архипъ Дмитріевичъ прогнать тебя, также прогонитъ, какъ прогоняютъ нашего брата“. Журавлевъ сильно вскипятился на Киселева, но дорогою ничего не предпринималъ; когда же они вошли на часовенный дворъ, тутъ Журавлевъ сталъ придирается къ Киселеву и кончилось тѣмъ, что онъ такъ ударилъ Киселева въ голову, что тотъ повалился на землю, а Журавлевъ сѣлъ на него и началъ рвать его волосы. Киселевъ закричалъ: караулъ! Въ это время другой уставщикъ Кипріанъ Ларинъ хотѣлъ отворить двери своей квартиры, чтобы войти туда, но услышавъ крикъ, поспѣшилъ на мѣсто происшествія и, когда подошелъ ближе, то увидѣлъ своего діакона, какъ тотъ билъ его собрата. Ларинъ обратился къ діакону съ увѣщаніемъ: „что ты дѣлаешь“? говорилъ онъ. Діаконъ, бросивъ Киселева, устремился на Ларина, и, когда тотъ хотѣлъ удалиться отъ разбушевавшагося діакона, какъ послѣдній, не давъ отойти Ларину, взмахнулся на него желѣзной палкою; еще одинъ моментъ и у Ларина была бы раздроблена голова, но онъ предупредилъ ударъ, отнялъ у него палку, схвативъ за руку, и ушелъ въ свое помѣщеніе. Настоятель же ихъ лже-іерей Исидоръ Андроновъ, несмотря на безчиненіе своего лже-діакона, все-таки сталъ на сторону послѣдняго, началъ его оправдывать прямымъ и окольнымъ путемъ. Такъ на третій день послѣ драки получено было письмо главнымъ уставщикомъ Ивановъ Тарасовымъ, письмо было прислано по городской почтѣ, въ которомъ неизвѣстный писатель оправдываетъ діакона. По-

черкъ письма, какъ ни былъ измѣненъ, но все таки не могъ укрыться отъ опытнаго взгляда. Въ писаніи этого письма былъ заподозрѣнъ настоятель Исидоръ, но спрашивается, — почему бы лже-іерею Исидору Андронову не поступить по правиламъ, изложеннымъ въ книгѣ Комчей: „если діаконъ бьетъ вѣрнаго или невѣрнаго, да извержется“. Но Исидоръ для любимаго діакона и правила отложилъ въ сторону, хотя на словахъ австрійцы и хвалятся, что они строго соблюдаютъ правила церковныя, а на дѣлѣ совѣтъ другое. На словахъ раскольники трактуютъ о законѣ, а дѣлаютъ беззаконіе. Въмѣсто того, чтобы искоренять безобразія они, напротивъ, стараются тщательно скрыть ихъ, а когда появится въ печати обличеніе раскольническихъ безобразій, то они самымъ наглѣмъ образомъ отвергають всѣ факты, приводимые въ печати, и говорятъ, что все это на нихъ клеветуется. Любятъ лишь наши раскольники хвалиться своей хорошей, длинной службой, но и въ этомъ случаѣ они говорятъ неправду, — самохвальство ихъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Недавно намъ пришлось быть въ ихъ часовнѣ и видѣть, какъ лже-іерей Аврамій служилъ панихиду; уставщики пѣли такъ скоро, что мы не могли ни одного слова разобрать, слышенъ былъ только одинъ гулъ басистыхъ голосовъ, самъ же Аврамій послѣ эктении или вовсе не читалъ молитвы „Воже духовъ“ или читалъ въ то время, когда уставщики пѣли „Господи помилуй“. Первое будетъ убавленіе службы, а второе — въ два голоса служить не позволено, слѣдовательно то и другое не хорошо. Затѣмъ самое главное — раскольники любятъ хвалиться изображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія, на дѣлѣ же мы увидѣли другое: всѣ уставщики, начиная съ главнаго, Ивана Тарасова махали руками, какъ деревенскими цѣпами во время молотбы хлѣба; ни одинъ изъ нихъ не доносилъ руки до праваго и лѣваго плеча. Потомъ на помянникѣ они клали четыре поклона, а не пять, какъ это показано въ уставѣ. Здѣсь считаемъ нужнымъ добавить и то, какъ относятся раскольническіе лже-іереи къ почитаемой ими святынѣ? Вотъ, на примѣръ, случай: приходятъ раскольники къ лже-іерею Исидору, просятъ его окрестить нѣсколькихъ младенцевъ, Исидоръ идетъ съ ними въ училище, гдѣ на грязномъ столѣ полагають — Евангеліе, елей и му-

ро. Совершивъ крещеніе, Исидоръ сталъ причащать по раскольнически запасными дарами, для этого онъ вынулъ изъ кармана грязный носовой платокъ, поставилъ на него сосудъ и дарохранительницу. Здѣсь, кажется, комментаріи излишни, фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ за себя о благоговѣйности къ своей святынѣ лже-іереевъ, лицемѣрно лишь хвляющихся строгимъ исполненіемъ церковныхъ правилъ. Конечно такой небрежности раскольническаго іерея удивляться не слѣдуетъ уже потому, что совершая все это, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ дѣлаетъ, напримѣръ почему онъ надѣлъ ризы, а не рогожи, или причащаетъ изъ сосуда, а не изъ чашки простой? Какое имѣютъ значеніе означенныя вещи онъ не знаетъ, а посему и дѣйствуетъ такъ безсознательно. Мы привели здѣсь эти факты вовсе не для того, чтобы обнаружить незнаніе раскольническихъ лже-іереевъ, потому что о невѣжествѣ ихъ каждому извѣстно, но для того, что эти то невѣжды позволяютъ себѣ, конечно за стѣною, среди темнаго народа, укорять православное духовенство и всю православную церковь, будто въ ней совершается все не по уставу. „Лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего и тогда узриши изгяти сучецъ изъ очесе брата твоего“ (Матѳ. 7. 5).

Изъ текущихъ событій среди Астраханскихъ раскольниковъ заслуживаетъ вниманіе слѣдующій курьезный случай:—встрѣча и разговоръ двоихъ раскольниковъ—астраханца-часовеннаго и безпоповца-спасовца 1-го числа октября въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.—Два раскольника встрѣтились у Сапожникова моста, по обычаю поздоровались. Безпоповецъ спрашиваетъ австрийца: „откуда Богъ несетъ братъ австріецъ?“ „Не ври, отвѣчаетъ тотъ, я не австріецъ, а часовенный, иду я отъ Божественной литургіи, у насъ сегодня храмовой праздникъ.—служили два священника и діаконъ. Ушъ, братъ и служба то какая была хорошая, не такая, какъ у васъ! Шелъ бы лучше къ намъ, тараторилъ австріецъ—часовенный.“ „А ты вотъ что, отвѣтилъ безпоповецъ, погоди хвалиться своей службой-то, а ты вотъ что лучше скажи, видь попъ-то вашъ антихристъ, а ты меня къ нему тащишь, я бы и тебѣ по дружески не совѣтовалъ

ходить въ эту часовню!“ „Какъ антихристъ?—въ недоумѣніи спросилъ часовенный“. „А вотъ какъ:—ты знаешь въ Апокалипсисѣ написано—число звѣриное—число человѣческое 666, а, по толкованію святаго Андрея Кессарійскаго, это число переложить на буквы выдетъ имя антихриста. Ты согласенъ съ этимъ?“ „Ну что же, согласенъ, отвѣтилъ часовенный, потому что мы также считаемъ число звѣриное.“ Безпоповецъ вынимаетъ листъ бумаги и карандашъ и, подавая часовенному, говоритъ: „бери, пиши:—„попъ изъ часовни.“ Тотъ написалъ. „Напиши подѣ каждой буквой соотвѣтствующую цифру; напиши и смотри, что выйdetъ?“ *Попъ изъ часовни* 80.+70.+80.+8+7.+90.+1.+200+2+5+8—итого 666. Число звѣриное,—число человѣческое и число имени его, вотъ и выходитъ вашъ попъ—антихристъ.“ Часовенный такъ и обомлѣлъ, онъ началъ пересчитывать, но выходило одно и тоже, а безпоповецъ стоялъ и досмѣивался надъ нимъ.—Вотъ, братъ, и выходитъ то, что тебѣ нужно идти къ намъ. Брось своего антихриста, а то погибнешь съ ними вмѣстѣ!“ Часовенный повѣсилъ голову, долго думалъ о нечаянномъ таинственномъ открытіи и ушелъ домой, не простившись съ своимъ пріятелемъ. Безпоповецъ торжествовалъ. „Давно бы вамъ задуматься нужно! Подумать о спасеніи своей души, а то хвалятся:—попы у нихъ хороши, служба у нихъ хороша, а откуда взяли все это? Награбили чужаго добра—то и говорятъ, что мы богачи, поповъ 200 лѣтъ воровали, а потомъ розлакомились, ханнули и архіерея! А что тутъ пользы—то, все чужое, а не свое! Упшъ чѣмъ воровать до чужое добро, лучше прямо идти въ церковь Великороссійскую!“ Такъ самодовольно разсуждалъ спасовецъ. Австріецъ пришелъ задумчивъ, ему праздникъ былъ не въ праздникъ, онъ взялъ счеты и началъ считать, но выходило одно и тоже. Посѣщали его единовѣрные ему родные и знакомые, но ему не до праздника.—Мысль о томъ, что попъ изъ часовни антихристъ, а онъ вѣдь ходитъ на исповѣдь къ этому антихристу, не давали ему покоя. Въ такомъ недоумѣніи онъ сталъ искать, нѣтъ ли чего подходящаго къ безпоповцу. Долго перебиралъ онъ лже-учителей безпоповскихъ, перелагая ихъ имена на цифру, но ничего не выходило.

Наконецъ лице часовеннаго просіяло, онъ начинаеть класть на счеты и потомъ говоритъ: „ну погоди другъ! Ушъ ты меня подвелъ хорошо, и я вотъ тебя утру да не одного, а всѣхъ васъ—безпоповцевъ. Наскоро одѣлся онъ и отправился къ своему пріятелю. Придя къ нему, онъ засталъ у безпоповца еще нѣсколько его единовѣрцевъ. „Пожалуйте! привѣтствовали безпоповецъ своего пріятеля. Ну что, одумался должно быть? Время, другъ мой, оставить своихъ дже-іереевъ—антихристовъ! Переходи лучше къ намъ!“ Австріецъ, ядовито улыбаясь, говоритъ: „нѣтъ, другъ, я пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобы перейти въ вашу спасовицину, а поздравить васъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ вы меня, да не одного тебя, другъ мой, а всѣхъ васъ—безпоповцевъ. Ты говоришь что нашъ пошъ антихристъ, а вы всѣ антихристы.“ Безпоповецъ въ смущеніи: „а нука покажи отъ Божественнаго Писанія? Часовенный отвѣчалъ: „смогри на себя и своихъ собратовъ, у васъ у всѣхъ стрижины маковки?“ Ну что же—у всѣхъ,—чай это по христіански!“ „Посмотримъ, по христіански-ли?“ При этомъ онъ подаетъ бумагу, на которой было четко написано: *Стрижины*. $200+300+100+8+8+50=666$. Вотъ счеты.—Считай! Безпоповецъ беретъ счеты, провѣряетъ и выходитъ счетъ вѣрнымъ. „Ну чтоже? съ торжествующимъ видомъ говоритъ часовенный. Вы всѣ стрижины и всѣ антихристы. Поздравляемъ вашу милость!“ При этомъ, язвительно смѣясь и низко кланаясь всѣмъ присутствующимъ безпоповцамъ, уходитъ вонъ. Долго сидѣли безпоповцы по уходѣ австріяца, въ недоумѣніи разсуждая о своемъ новомъ наименованіи, и разошлись всѣ по своимъ домамъ.

Мы, съ своей стороны, скажемъ одно: такъ какъ раскольники почтили одинъ другаго новыми именами, а въ общемъ, по собственному признанію, австріецъ—часовенный и безпоповецъ—антихристы, мы, съ своей стороны, совѣтуемъ обѣимъ враждующимъ сторонамъ оставить противленіе св. Православной Церкви и присоединиться къ ней. Она, какъ чадолюбивая мать давно ожидаетъ вашего къ ней возвращенія!

кровской церкви было совершено крещение надъ взрослымъ магометаниномъ—Амиръ-Мухамедъ Рахимовымъ съ нарѣченіемъ ему имени Іоаннъ.

12 числа того же мѣсяца совершено было присоединеніе чрезъ миропомазаніе штурмана каботажнаго плаванія, дворянина Петра Рушевскаго—католическаго вѣроисповѣданія.

Оба таинства совершены священникомъ Покровской церкви Евтропѣемъ Кочергинымъ.

Священникъ *Евтропій Кочергинъ.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

„ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА“

состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, будетъ выходить какъ и нынѣ по воскресеньямъ. Кромѣ тѣхъ отдѣловъ, которые входятъ уже въ газету нынѣ, съ 1887 года, въ каждомъ номерѣ будутъ помѣщаться статьи духовнаго содержанія, заключающія въ себѣ поучительныя проповѣди и рассказы изъ жизни святыхъ и мучениковъ за вѣру Христову. Статьи, касающіяся внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій, а также описаніе замѣчательныхъ мѣстъ и городовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ рисунками, будутъ помѣщаться по прежнему. Цѣна на газету безъ приложенія, вслѣдствіе увеличенія почтовой таксы на 1887 годъ, назначена 2 р. 75 коп. съ пересылкою, а на газету съ приложеніемъ остается прежняя—6 р. 50 коп.

Все подписавшіеся на газету съ приложеніемъ получаютъ въ 1887 году, кромѣ другихъ книгъ:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. ПУШКИНА,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ,

которое составитъ отъ 50 до 60 печатныхъ листовъ или отъ 800 до 960 страницъ убористой печати. Въ отдѣльной продажѣ одно это изданіе будетъ стоить не менѣе 3-хъ рублей.